

Вооруженный конфликт на Северном Кавказе: итоги двадцати лет

«Мемориал» выпускает бюллетень о ситуации на Северном Кавказе с 2006 года. Среди прочего, все это время мы отслеживаем активность вооруженного подполья в регионе по числу потерь силовиков.

Мы уверены, что именно эти данные точнее отражают реальную картину происходящего — в отличие от официальных отчетов силовых ведомств о числе убитых и задержанных «полевых командиров, боевиков и их пособников».

В этом разделе — краткий очерк истории вооруженного конфликта на Северном Кавказе за прошедшие 20 лет.

Мы рассказываем, как соотносятся разные фигуры, группы и течения северокавказского подполья, как радикализировалось вооруженное сопротивление и почему это связано с методами государственного «контртеррора». Наконец, мы затрагиваем причины нынешнего затухания вооруженного конфликта и оцениваем перспективы его возобновления.

О методике

С 2006 года мы единообразным способом вели подсчет потерь силовых структур: Вооруженных сил, МВД и его спецподразделений, Внутренних войск (часть этих структур впоследствии была передана в Росгвардию), ФСБ и других. 20 лет мы использовали и сопоставляли различные источники: принимая во внимание сообщения самих силовых ведомств и структур, опирались также на данные СМИ, но прежде всего на сведения, собранные Центром «Мемориал». Если какая-то информация становилась известна впоследствии, мы ретроспективно корректировали наши итоговые таблицы.

Мы исходили из того, что именно эти данные наиболее точно характеризуют активность вооруженного подполья: боевики (повстанцы, инсургенты, или, в терминологии властей, террористы) остаются таковыми постольку, поскольку продолжают вооруженное противостояние и атакуют представителей власти, силовиков. И потери последних (убитыми и ранеными) как раз и характеризуют реальную активность вооруженного подполья — а вовсе не отчеты ведомств о количестве «полевых командиров, боевиков и их пособников», которые были «уничтожены, нейтрализованы, задержаны» и т. п.

Ключевые цифры

В последние годы сильно сократились и количество инцидентов, и число жертв — и по сравнению с 2000-ми, и даже с началом 2010-х, когда ежегодные потери измерялись сотнями жизней.

Потери в 2020-х были следующие: четверо убитых силовиков и 11 раненых в 2020 году, затем — пятеро раненых в 2021-м, один убитый в 2022-м.

В 2023-м цифры потерь силовиков выросли: в Ингушетии погибли трое и были ранены 12 сотрудников силовых структур. Особенно заметен был рост в 2024 году: только в Дагестане 17 силовиков погибли и 37 были ранены.

Однако важно понимать: и в 2023, и в 2024 годах рост потерь определялся «статистическими выбросами» — единичными событиями, которые привели к потерям, заметным на фоне «низкой базы», околонулевых показателей предыдущих лет. В 2023 году

это была внезапная активизация группы боевиков в Ингушетии¹, а в 2024-м — нападения на синагоги и православные церкви в Дагестане². Но эти единичные события уже не складываются в какую-то последовательность, в систему. Несостоятельны сами попытки рассуждать о статистике при столь малой выборке, при которой даже такие колебания не являются статистически значимыми. Поэтому говорить о росте потерь как о складывающейся тенденции пока не представляется обоснованным

В 2025 году потери снова снизились до 3 убитых и 5 раненых силовиков.

Таблица 1. Потери силовых структур в зоне конфликта на Северном Кавказе в течение 2006–2025 годов.

(Подсчет ЦЗПЧ «Мемориал» на основе открытых информационных источников. Столбцы, отмеченные цветом, — число убитых, без цветового выделения — число раненых).

	ЧР		РД		РИ		КБР		PCO-A		КЧР		Ст. кр.		ВСЕГО	
	Убиты	Ранены	Убиты	Ранены	Убиты	Ранены	Убиты	Ранены	Убиты	Ранены	Убиты	Ранены	Убиты	Ранены	Убиты	Ранены
2006	205	519	32	65	29	52	1	2	11	4		2	7	6	285	650
2007	98	232	42	80	39	51	6	11		1	1		1	1	187	376
2008	87	175	52	73	84	225	13	27	7	4	3	1			246	505
2009	94	202	88	145	98	258	16	27		1		3			296	636
2010	55	137	159	233	40	132	32	46	2	3	1				289	551
2011	23	87	90	163	16	31	31	33		1	7	7	4	5	171	327
2012	43	81	125	168	35	45	20	30			1	2			224	326
2013	19	64	84	136	7	32	12	19				2		2	122	255
2014	24	59	23	49	4	14	2	7							53	129
2015	2	15	12	17	1	2	2	1							17	35
2016	5	12	22	54	2		3	1							32	67
2017	12	12	4	5	4	5		2		4				2	20	30
2018	3	8	3	11		2	1							2	7	23
2019	2	4			2	5	1								5	9
2020	3	2		1	1	2						6			4	11
2021		5													-	5
2022	1														1	-
2023					3	12									3	12
2024	1	2	17	37		5					4	5			22	49
2025	1	1	2	3				1							3	5
Всего	678	1617	755	1240	365	873	140	207	20	18	17	28	12	18	1987	4001

¹ См. выпуск бюллетеня о событиях лета–осени 2023 года, <https://memorialcenter.org/ru/analytics/severnyj-kavkaz-vzglyad-pravozashhitnikov>.

² См. выпуск бюллетеня о событиях лета 2024 года, <https://memorialcenter.org/ru/analytics/byulleten-severnyj-kavkaz-vzglyad-pravozashhitnikov-let-2024>.

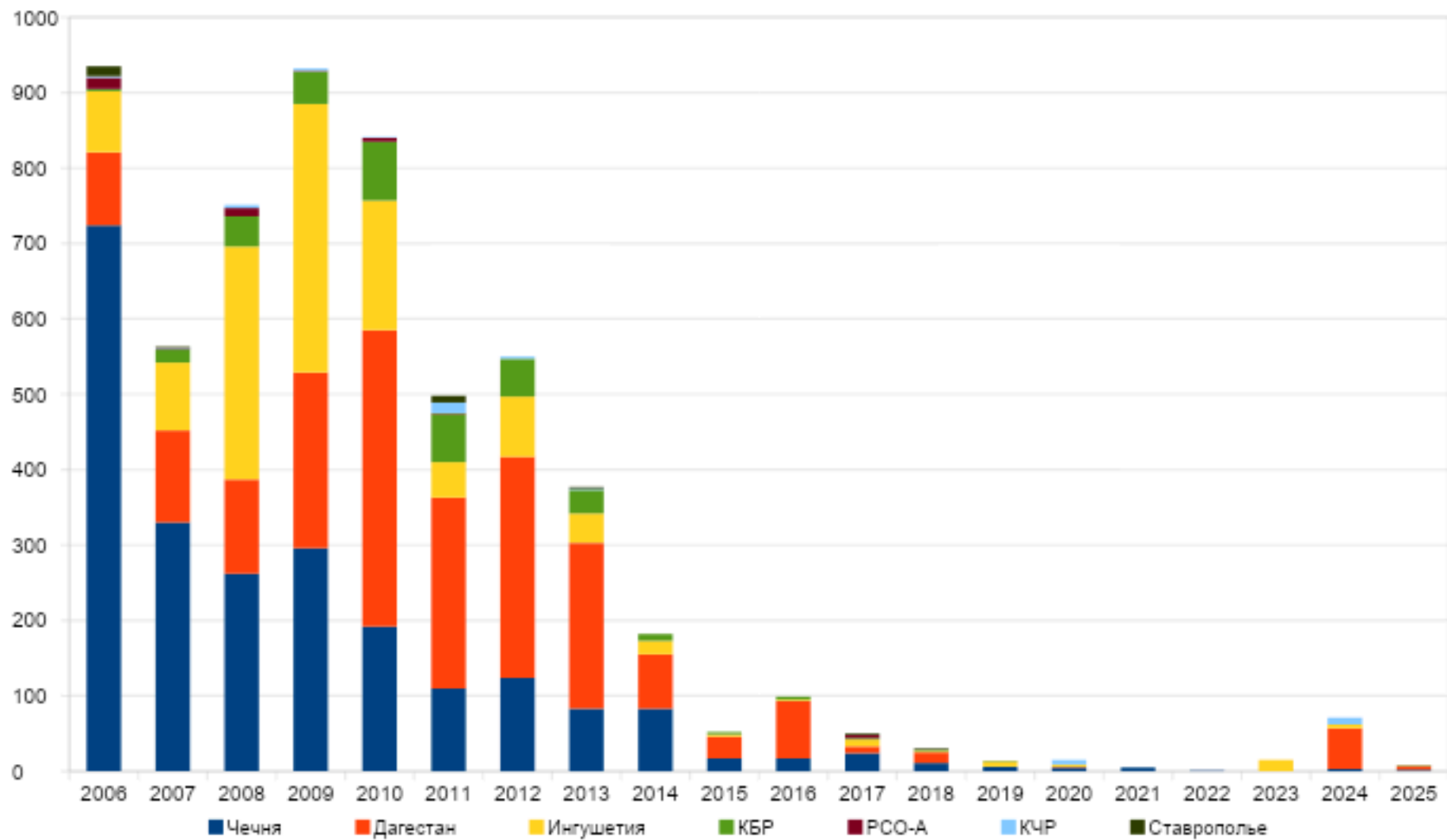

Рис. 1. Количество погибших и раненых силовиков в регионах СКФО в ходе вооруженного конфликта в 2006–2025 годах.

Возникает вопрос: учитывая приведенные выше соображения и данные, представленные в Таблице 1 и на Рис. 1, можно ли вообще утверждать, что на Северном Кавказе по-прежнему продолжается вооруженный конфликт? Или же российские власти, много лет говорящие об эффективном и долгосрочном умиротворении региона, наконец-то оказываются правы?

Мы попробуем ответить на этот вопрос, обратившись к истории конфликта, к логике его развития. К этому подталкивают приведенные выше таблица и диаграмма — логично было бы попытаться подвести итоги двадцати лет³, — хотя на самом деле нам придется кратко описать предшествовавшие события.

Активная фаза Второй чеченской войны, официально именовавшейся «контртеррористической операцией», началась 7 августа 1999 года со вторжения в Дагестан отрядов Шамиля Басаева и Хаттаба⁴ (которые тогда в просторечии называли «ваххабитами»). Действия российских федеральных силовых структур были хаотичны и нескоординированны, хотя 11 августа и был издан совместный приказ МО, МВД и ФСБ РФ о проведении в Дагестане «контртеррористической операции»⁵. Только пять дней спустя, 16 августа, Госдума РФ — видимо, для обоснования этой формулировки — постановила считать вторжение в Дагестан «особо опасной формой терроризма с участием иностранных граждан»⁶. «Контртеррористическая операция» не была ответом на какие-либо террористические акты: взрывы жилых домов в городах России, ставшие, по устоявшемуся уже мнению, *casus belli*, были совершены в сентябре, уже после того, как война получила этот официальный статус⁷. Контроль над всей территорией республики был восстановлен к 15 сентября.

23 сентября указом президента РФ режим «контртеррористической операции» был распространен на Чечню, а с 1 октября начался массированный ввод войск на территорию республики⁸. Российское вторжение объединило Чечню: ему противостояли не только развязавшие войну «ваххабиты», но и отряды сторонников президента Масхадова. К началу декабря российские войска блокировали Грозный, осада и «зачистка» города длились до начала февраля 2000 года. Тогда же, в первую неделю февраля, в предгорьях западной Чечни российские военные преследовали отходивших в горы защитников Грозного. Боевые действия продолжались в ходе прорыва на равнину блокированных в

³ Десять лет назад мы уже делали нечто подобное: Контртеррор на Северном Кавказе: Взгляд правозащитников. 2014 г. - первая половина 2016 г. Доклад Правозащитного центра «Мемориал», 2016. https://memohrc.org/sites/default/files/doklad_severnnyy_kavkaz_source.pdf

⁴ 12 августа президент ЧРИ Аслан Масхадов осудил вторжение в Дагестан. В нем участвовали неподконтрольные властям ЧРИ отряды Конгресса народов Ичкерии и Дагестана, созданного в 1998 году и противостоявшего Масхадову. Это противостояние лишь нарастало, и впоследствии в одном из интервью Басаев заметил, что, начав войну в Дагестане, он предотвратил гражданскую войну в Чечне.

⁵ Этот правовой режим допускал использование силовых структур без введения чрезвычайного или военного положения, то есть без явной санкции парламента, где у президента Ельцина не было устойчивого большинства.

⁶ Очевидно, имелись в виду Хаттаб и его немногочисленные соплеменники-арабы. Состав этих отрядов был, однако, «интернациональным» в другом смысле: там было относительно много молодых людей из Дагестана и КЧР, бежавших в Чечню из-за репрессий против последователей радикального ислама в этих республиках и ставших «горючим материалом» для сподвижников Басаева.

⁷ Первый из этих взрывов прогремел 4 сентября в дагестанском Буйнакске, в Москве два дома были взорваны в ночь с 8 на 9 и 13 сентября, 16 сентября — дом в Волгодонске Ростовской области. Отметим, что до сего дня не доказана причастность «чеченцев» или какой-то еще внешней силы к организации этих взрывов.

⁸ Преступления, совершенные российскими силовиками в ходе войны, перечислению не поддаются; об этом «Мемориал» выпустил множество материалов. Здесь мы их не приводим, сосредоточившись на иных аспектах вооруженного конфликта.

горах чеченских отрядов 29 февраля — 20 марта 2000 года⁹. Именно на этот период приходятся и максимальные потери бойцов и сотрудников федеральных силовых структур — как от огневого воздействия чеченских отрядов, так и от «дружественного огня»¹⁰.

Широкомасштабные боевые действия закончились, но конфликт не был завершен. С лета 2000 года чеченские отряды перешли к партизанской войне, а федеральные силы — к «зачисткам» и «специальным операциям», то есть к тактике «эскадронов смерти»¹¹. Последнее неизбежно вело к расширению мобилизационной базы вооруженного подполья и к росту числа диверсионно-террористических операций с его стороны¹². Все это означало, среди прочего, продолжавшиеся существенные потери личного состава силовых структур, задействованных в «контртеррористической операции»¹³.

Как и во многих других случаях, имел место самосбывающийся прогноз. Ответом вооруженного подполья на «контртеррористическую операцию» в ее российском изводе стала тактика террора, в том числе и «шахидского»: от подрывов комендатур в самой Чечне¹⁴, атак на административные объекты¹⁵ или на военный госпиталь¹⁶ — до в прямом смысле террористических актов, совершенных против заведомо гражданских объектов¹⁷. Повторим: системный терроризм в России стал не причиной, а следствием «контртеррористической операции».

При этом в подполье, противостоявшем российским силовикам, не было единства: подчас в одном селе сосуществовали «масхадовские» и «ваххабитские» отряды¹⁸. Но

⁹ Более успешно — из Аргунского ущелья на восток, через село Улус-Керт, высоту 776 и село Сельментаузен, менее успешно — на запад, через село Комсомольское.

¹⁰ Так, причиной смерти большинства из 84 погибших в ночь с 29 февраля на 1 марта 2000 года на высоте 776 псковских десантников стали осколочные ранения и взрывные травмы от огня своей же артиллерии.

¹¹ А.В. Черкасов. Судьба неизвестна. Жители Чеченской Республики, задержанные представителями федеральных силовых структур в ходе вооруженного конфликта и бесследно исчезнувшие или убитые. Осень 1999 года — 2000 год. М.: Мемориал – Звенья, 2012.

https://memohrc.org/sites/default/files/old/files/642_source.pdf

¹² «Контртеррористическая операция»: Поселок Старые Атаги, сентябрь 1999 г. — май 2002 г. / Сост. Ш. Акбулатов, О. Орлов. М.: О-во «Мемориал»; изд-во «Звенья», 2002.

<https://memohrc.org/sites/default/files/old/files/153.doc>.

¹³ Здесь живут люди: Чечня: хроника насилия / Авт.-сост. У. Байсаев, Д. Грушкин. Ч. 1–5. М.: ПЦ «Мемориал»; изд-во «Звенья», 2003–2010. Подневная хроника нарушений прав человека в Чеченской Республике. В приложениях даны списки убитых и исчезнувших жителей республики. Ч. 1. Июль — декабрь 2000 года. 2003. Электронная версия:

<https://memohrc.org/ru/books/zdes-zhivut-lyudi-chechnya-hronika-nasiliya-chast-1-iyul-dekabr-2000-goda> Ч. 2.

Январь — март 2001 года. 2006. Ч. 3. Апрель — июнь 2001 года. 2006. Электронная версия <https://memohrc.org/ru/books/zdes-zhivut-lyudi-chechnya-hronika-nasiliya-chast-23-yanvar-iyun-2001-goda> Ч. 4.

Июль — сентябрь 2001 года. 2008. Электронная версия:

<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/jzl40/index.htm> Ч. 5. Октябрь — декабрь 2001 года. ПЦ «Мемориал»; изд-во «Права человека», 2010. Электронная версия:

<https://memohrc.org/ru/books/zdes-zhivut-lyudi-hronika-nasiliya-chast-5-oktyabr-dekabr-2001>.

¹⁴ Здесь и далее мы приводим лишь отдельные примеры: 6 июня 2000 года Хава Бараева осуществила первую атаку на грузовике со взрывчаткой на комендатуру в Алхан-Юрте; 29 ноября 2001 года Айза Газуева подорвала коменданта Урус-Мартановского района генерала Гаджиева, отомстив за похищенного и «исчезнувшего» мужа.

¹⁵ Подрыв Дома правительства в Грозном 27 декабря 2002 года.

¹⁶ Моздок, 1 августа 2003 года.

¹⁷ 23–26 октября 2002 года — теракт с захватом заложников в театральном центре на Дубровке; 5 июля 2003 года — взрыв на рок-фестивале «Крылья» в Тушино в Москве; 5 декабря 2003 года — взрыв электрички «Кисловодск — Эссентуки»; 4 февраля 2004 года — взрыв в вагоне московского метро между станциями Павелецкая и Автозаводская.

¹⁸ Как, например, в Старых Атагах, где в феврале 2002 года, после очередной «зачистки», прибывшие на место для документирования ее последствий мемориальцы с удивлением обнаружили представителей обоих направлений вооруженного подполья, которые, видимо, удерживались от выяснения отношений лишь по причине присутствия в окрестностях села российских силовиков.

помимо численного пополнения рядов подполья происходила и его радикализация: потери несли как те, так и другие, однако новые мстители шли прежде всего к радикалам¹⁹.

В итоге Аслан Масхадов, постепенно терявший свои позиции, летом 2002 года был вынужден пойти на формальное примирение и организационное объединение с «радикалами»²⁰, при очевидном доминировании последних. Не будет преувеличением сказать, что «точкой невозврата» в войне стал «Норд-Ост», террористический акт 23 октября 2002 года в Москве: ранее у Масхадова могли оставаться надежды на возможность начала мирных переговоров с Центром, но теперь они окончательно рухнули²¹. Впрочем, Москва с самого начала исключала такой вариант политического решения, постоянно ставя в один ряд и уравнивая Басаева и Масхадова как «террористов»²².

Примерно в 2003 году российские федеральные власти, видимо, начали осознавать ситуацию и перешли к «чеченизации» конфликта, делегируя полномочия по незаконному насилию от федеральных структур к местным, сформированным из этнических чеченцев, и действовавшим, по крайней мере, более целенаправленно и избирательно.

В те же годы вооруженный конфликт вышел за пределы Чечни — и не только в виде отдельных террористических актов. В соседних республиках российская политика «контртеррора», бесконтрольные действия силовиков точно так же порождали мобилизационную базу для вооруженного подполья. Так это было в Дагестане, где и начиналась Вторая чеченская война. То же самое происходило в Ингушетии после ухода в 2002-м президента Аушева, где именно незаконное и неизбирательное насилие «федералов» создало «горячую точку»²³. Распространив из Чечни борьбу с предполагаемыми боевиками и их «пособниками», укрывавшимися в местах размещения временно перемещенных лиц и в приграничных селах Ингушетии, федеральные силовики за два года предсказуемо довели ситуацию до масштабного реального вооруженного выступления. Как и в Чечне, участниками подполья теперь становились не только родственники «исчезнувших» или недавние жертвы пыток, но и обычные местные жители: и те, кому «федералы» наносили «побочный ущерб», и те, кто оказывался свидетелем жестокости, несправедливости и очевидного нарушения закона. Подобные действия силовиков, позиция светской власти и молчание официальных муфтиятов как

¹⁹ Впрочем, и опыт двух последующих десятилетий свидетельствовал о том же: каждое новое «поколение» подполья было, как правило, более радикальным, чем предыдущее.

²⁰ 27 июня – 4 июля 2002 года состоялось «расширенное заседание Государственного комитета обороны [возглавляемого Масхадовым] — Миджлис-уль-Шура [руководимого Басаевым]». 22 июля на совместной пресс-конференции Масхадов и Басаев объявили о создании «военного комитета» и подчинении своих отрядов единому командованию.

²¹ Хотя предварительная подготовка теракта шла много месяцев, боевики Мовсара Бараева прибыли в Москву в основном незадолго до теракта.

Месяцем ранее, 15–26 сентября 2002 года, несколько сотен бойцов отряда Руслана Гелаева, верного Масхадову, совершили рейд из Панкисского ущелья в Грузии через Ингушетию и Северную Осетию в Чечню. Таким образом, у Масхадова появилась определенная «свобода рук», и он попытался выступить с какой-то мирной инициативой. 23 октября в Москву была передана видеокассета с обращением Масхадова, адресованная депутату Государственной думы Сергею Ковалеву. Однако курьера задержали в аэропорту «Внуково», а кассета была изъята.

Впрочем, это уже не имело значения: теракт в «Норд-Осте» начался, и о каких-либо переговорах теперь можно было забыть. Не выглядит фантастическим предположение, что, понимая возможные последствия изменения расклада сил, Басаев в начале октября дал команду ускорить подготовку теракта. Об этом косвенно говорит и то, что объект — театральная площадка на Дубровке — был выбран в последний момент.

²² Это характерно не только для публичных заявлений, но и для следственно-судебных документов: так, Масхадову старались приписать причастность к организации нападения на Нальчик в октябре 2005 года, хотя лидер Джамаата КБР Астамиров вел переговоры с Басаевым о поддержке этого нападения уже после того, как место убитого в марте 2005 года президента ЧРИ занял Абдул-Халим Садулаев.

²³ Ингушетия: 2007 год. Куда дальше? ПЦ «Мемориал», 2008.

https://memohrc.org/sites/default/files/ingushetiya_-_kuda_dalshe_0.doc

будто подтверждали правоту террористического подполья, апеллировавшего к радикальному исламу. Именно так жестокая непродуманная политика и практика приводили к радикализации и возникновению мощного вооруженного подполья в Дагестане или в Кабардино-Балкарии²⁴. В итоге дело дошло до масштабных боестолкновений и террористических актов, таких как нападение на Ингушетию в ночь на 22 июня 2004 года, захват школы в Беслане 1 сентября 2004 года и нападение на Нальчик 13–14 октября 2005 года.

Все эти события произошли до начала выпуска нашего бюллетеня, однако, как правило, находили отражение в выпускавшихся ПЦ «Мемориал» с лета 2000 года «Хрониках насилия», которые частично были изданы в серии «Здесь живут люди» и в отдельных докладах.

Общая оценка потерь личного состава российских силовых структур в тот период (именно оценка: в отличие от Первой чеченской войны, мы не имели возможности вести поименный учет погибших) составляет порядка 6000 человек — эта цифра неоднократно озвучивалась членом Совета Центра защиты прав человека «Мемориал» Александром Черкасовым²⁵. Это относится к периоду до начала систематического верифицированного подсчета потерь.

На гистограмме (Рис. 1) видно, что существенные изменения в активности подполья произошли во второй половине 2000-х (начиная с 2006 года эти события были, как правило, отражены в выпусках нашего бюллетеня).

8 марта 2005 года был убит президент ЧРИ Аслан Масхадов. Его преемник Абдул-Халим Садулаев также был убит 17 июня 2006 года, после чего обязанности президента ЧРИ принял Доку Умаров.

Вскоре, в ночь на 10 июля 2006 года, погиб и Шамиль Басаев, с именем которого были связаны наиболее дерзкие акции террористического подполья, лишь отчасти перечисленные выше. Характерно, что они были проведены за пределами территории Чечни: в Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. Да и сам Басаев не мог себе позволить длительное время оперировать в родных краях²⁶. По крайней мере начиная с 2003 года он неоднократно бывал в Кабардино-Балкарии²⁷. Интервью корреспонденту «Радио Свобода» Андрею Бабицкому в июле 2005 года²⁸ Басаев давал на территории Ингушетии, и погиб он там же, на окраине села Экажево. Как видим, существенную часть времени российский «враг государства номер один» проводил вне родной Чечни (находиться там было не просто небезопасно, а почти невозможно), в других республиках Северного Кавказа, тесно взаимодействуя там с лидерами местного вооруженного

²⁴ А. Жуков, Кабардино-Балкария: На пути к катастрофе. Предпосылки вооруженного выступления в Нальчике 13–14 октября 2005 года. ПЦ «Мемориал», 2008, https://memohrc.org/sites/default/files/old/files/543_source.pdf;

²⁵

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%8E%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8_%D0%B2%D0%BE_%D0%92%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B9_%D1%87%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B5

²⁶ Последнюю свою зиму 2005–2006 года Басаев смог провести в родном Веденском районе Чечни, но лишь потому, что находился в это время под прикрытием своего «двойного агента» — Майрбека Эшиева, командира подразделения кадыровского «антитеррористического центра» (вскоре после этого Эшиев был разоблачен и ликвидирован вместе со своими родственниками – см.: Анна Политковская. Новая Газета. № 6. 14 августа 2006 «СЛОЖЕНИЕ ОРУЖИЯ, ВЫЧИТАНИЕ КАДЫРОВА», <https://politkovskaya.novayagazeta.ru/pub/2006/2006-72.shtml>;

²⁷ Наиболее известный эпизод — «Баксанский бой» 24 августа 2003 года, когда он скрывался в одноименном населенном пункте и смог уйти от пришедших его брать силовиков — тем достался лишь его протез ноги; последнее сообщение о пребывании Басаева в КБР датируется 8 июня 2006 года.

²⁸ См., например, <https://babr24.com/?IDE=23227>.

подполья, планируя и осуществляя совместные операции. По сути дела, уже тогда сложилась «конфедеративная» структура вооруженного подполья.

Так, по словам Анзора Астемирова, одного из лидеров Джамаата Кабардино-Балкарии и организаторов нападения на Нальчик, еще в 2005 году они с лидером ингушского вооруженного подполья Илезом Горчхановым предлагали Шамилю Басаеву формально учредить «конфедеративное» образование, на что последний ответил отказом, в свою очередь потребовав от них принести присягу президенту Ичкерии Абдул-Халиму Садулаеву. Однако после гибели и Садулаева, и Басаева Астемиров, по его словам, обратился к новому ичкерийскому лидеру — и, очевидно, нашел понимание²⁹. Так что, когда 7 октября 2007 года Доку Умаров «распустил» Чеченскую Республику Ичкерия, учредив Имарат Кавказ, он, по сути, признал очевидное.

Во-первых, вооруженный конфликт не просто распространился за пределы Чечни, но продолжался преимущественно вне этих пределов. «Пальму первенства» у Чечни отбирали Ингушетия и Дагестан: это видно из статистики потерь в 2006–2025 годах (Табл. 1).

Во-вторых, что не менее важно, тем самым было зафиксировано изменение сути конфликта. Чеченская Республика Ичкерия была сепаратистским «проектом», который — при всех издержках, чем далее, тем менее — оставался субъектом политического процесса. При всей дискуссионности целей — достичь независимости от РФ и построить собственную государственность — при всем сомнении в их достижимости, эти цели были заявлены и существовали в нашем политическом «измерении»³⁰. Занявший теперь место Ичкерии «Имарат Кавказ» такой достижимой цели «в нашем измерении» не имел³¹. Вряд ли можно считать таковой целью построение эмирата, политико-правового образования, несовместимого с существующим светским государством, в принципе ему альтернативного, и при этом столь же принципиально не ограниченного территориальными рамками.

По времени это совпало с существенным снижением числа похищений людей силовиками в Чечне в 2007–2008 годах по сравнению с предыдущим периодом. Это было вызвано временным, тактическим ходом Рамзана Кадырова, отдавшего «стоп-приказ» подчиненным ему силовикам. В 2006–2008 годах Кадыров был озабочен прежде всего концентрацией власти в Чечне в своих руках. Власти не формальной, а фактической: ведь «кадыровцы» были только одной из четырех силовых структур, сформированных федеральным Центром из этнических чеченцев в ходе «чеченизации» конфликта. «Кадыровцы» постепенно легализовывались в рамках структур местного МВД и внутренних войск МВД. Но помимо них существовали спецгруппа ФСБ «Горец», батальоны «Запад» и «Восток» спецназа ГРУ, и ОРБ-2 — Оперативно-розыскное бюро № 2 Главного управления МВД по СКФО, то есть три «чеченские» структуры федерального подчинения, неподконтрольные Кадырову. Последний начал последовательно и неуклонно устранять конкурентов или брать их под свой контроль. В 2006 году была упразднена спецгруппа ФСБ «Горец» Мовлади Байсарова: сам он был отстранен, а затем убит в Москве, а его люди влились в ряды «кадыровцев». В 2007 году заменили руководство

²⁹ [Astemirov takes credit for idea of Caucasian Emirate](#) // Кавказ-центр, 30.11.2007; Анзор Астамиров стал в итоге кэдиом Имарата, вплоть до гибели в марте 2010 года.

³⁰ Отметим, что и в Норд-Осте, и в Беслане отряды террористов, продолжая «буденновскую» традицию Басаева, выставляли политические требования: прекращения войны, вывода войск и т. п. С другой стороны, именно эти террористические акты, организованные тем же Басаевым, не только делали какой-либо политический процесс невозможным, но, похоже, именно на эту невозможность и были направлены.

³¹ В видеообращении о создании Имарата Умаров, в частности, говорил: *«Не думаю, что есть необходимость проводить границы Кавказского имарата. ...Кавказ оккупирован неверными и вероотступниками и является Дар аль-харб [территорией войны], и наша ближайшая задача состоит в том, чтобы сделать Кавказ Дар эс-Саламом [благословенной землей], утвердив шариат на его земле и изгнав неверных. ...после изгнания неверных мы должны вернуть себе все исторические земли мусульман, и эти границы находятся за пределами границ Кавказа...»*. Вряд ли это можно назвать политической программой. В итоге проект просуществовал менее десяти лет.

ОРБ-2, и новый начальник заявил о лояльности Кадырову. В 2008 году были распущены батальоны спецназа ГРУ «Запад» и «Восток» (командир батальона Сулим Ямадаев был убит). При этом Кадыров активно использовал риторику прав человека, небезосновательно обвиняя все эти структуры в похищениях, пытках и насильственных исчезновениях людей. Разумеется, это был лишь тактический ход, и после устранения «конкурентов» Кадырова похищения людей «кадыровцами» возобновились.

Для внешнего наблюдателя все это могло выглядеть как составная часть общего урегулирования ситуации в Чечне³², тем более что, как видно на гистограмме, в потоке «плохих новостей» уверенно лидировали соседние Ингушетия и Дагестан. Более того, весной 2009 года было объявлено об окончании «контртеррористической операции» в Чеченской Республике, а силовая структура, последние годы ее координировавшая, — Временная оперативная группировка отделов и подразделений МВД (ВОГОиП), дислоцировавшаяся на военной базе в Ханкале, — была выведена из республики и передислоцирована в Дагестан.

На самом же деле в Чечне завершалась концентрация власти в руках Рамзана Кадырова. Поскольку все ранее созданные Центром силовые прокси-структуры, кроме кадыровских, были распущены или переподчинены, теперь стал невозможен какой-либо перекрестный контроль между ними. Не имея более в своих рядах сотрудников — этнических чеченцев, федеральные силовики и правоохранительные органы лишались «глаз и ушей»: возможности вести «оперативно-розыскную деятельность», проводить сколь-нибудь эффективное расследование в отношении кадыровских структур. Последние, таким образом, получали гарантии полной безнаказанности, что, в свою очередь, обеспечивало их лояльность и преданность Рамзану Кадырову. При этом сам Кадыров для федерального Центра становился не только неуязвим, но и незаменим. С точки зрения Москвы, он (и только он) мог гарантировать стабильность в когда-то самом проблемном регионе страны.

Где-то в этом промежутке — между 2006 и 2009 годами — можно ставить дату окончания Второй чеченской войны, начавшейся в 1999-м³³.

...Окончания войны — но не вооруженного конфликта! Ведь никуда не делись ни набравшие численность и инерцию силовики, федеральные и местные, ни вооруженное подполье, объединенное теперь в Имарат.

Доку Умаров, амир Имарата, в отличие от Басаева, не был ни харизматическим лидером, ни человеком, увлеченным техникой или тактикой вооруженной борьбы. Зато Умаров, будучи скорее «комиссаром», чем «командиром», смог в итоге объединить очень разных людей, эффективно урегулировав конфликты, делегируя полномочия и привлекая «новые кадры». Характерный пример — приглашение в 2008 году Саида Бурятского (Александра Тихомирова), молодого, но уже известного к тому времени проповедника, ставшего в итоге вплоть до своей гибели в 2010 году одним из эффективных идеологов и организаторов террора³⁴. Фигура Бурятского как бы символизировала интернационализацию Имарата.

³² Jonathan Littell, 2009: *Tchétchénie, An III*. (Чечня. Год третий. Пер. Б. Скуратова. М.: [Ad Marginem](#), 2012.)

³³ Три года «мира», лето 2006 года — лето 2009 года /Авт.-сост. Г. Верный, О. Орлов, А. Черкасов. М.: ПЦ «Мемориал»; изд-во «Права человека», 2010 (Бюллетени Правозащитного центра «Мемориал»). Сборник ежеквартальных бюллетеней Правозащитного центра «Мемориал» «Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе: оценка правозащитников».

³⁴ Доку Умаров даже назначил Саида Бурятского командиром «батальона смертников Риядус Салехийин [райские сады]», когда-то учрежденного Басаевым, а теперь специально воссозданного. В итоге Бурятский стал организатором многочисленных диверсионно-террористических операций, в частности теракта в «Невском Экспрессе» и покушения на Юнус-Бека Евкурова.

Идеологию Имарата можно было однозначно квалифицировать как террористическую³⁵, впрочем, и практику тоже: Имарат боролся не только с местными северокавказскими силовиками³⁶, его подразделения организовывали террористические акты на территории Центральной России³⁷, а Умаров брал на себя ответственность за их организацию. Одно это обстоятельство уже не позволяло убрать «контртеррористическую операцию» из общефедеральной повестки дня.

Другим, не менее важным обстоятельством, были сами силовые структуры, задействованные в «контртерроре». Унаследованная от СССР система планирования и отчетности требовала не снижать показатели, иначе руководство неминуемо снизило бы им и бюджеты, и штаты. В итоге из года в год северокавказские силовые ведомства отчитывались о примерно тысяче³⁸ «уничтоженных», «нейтрализованных», арестованных «полевых командирах», боевиках и их «пособниках». Планы выполняли, в частности, за счет фабрикации уголовных дел, но не только.

Эта система вступила в очевидное противоречие с политикой и практикой «умной силы», примененной сначала в Ингушетии, после того как президентом республики осенью 2008 года стал Юнус-Бек Евкуров, а затем и в Дагестане³⁹.

При Евкурове в республике была учреждена комиссия по «адаптации» боевиков, которая позволяла людям, ушедшим «в лес», «в горы», но не совершившим тяжких преступлений, сдать властям под гарантии того, что они не «исчезнут» и их не подвергнут пыткам. Кроме того, в Ингушетии были легализованы семь приходов, которые местное Духовное управление считало «ваххабитскими». Их прихожане были избавлены от угрозы незаконного преследования и не имели теперь мотива идти «в лес», «в горы», то есть в боевики. В совокупности это позволило как лишить вооруженное подполье притока новых «штыков», так и «разгрузить» его от сомневавшихся, желавших уйти, но не готовых на пытки и мучительную смерть. В итоге в течение нескольких лет активность подполья в Ингушетии, какое-то время бывшей самой «горячей точкой» Северного Кавказа, снизилась практически на два порядка.

Сходные процессы проходили и в Дагестане — правда, с существенными отличиями⁴⁰; по крайней мере, обсуждения такой возможности происходили в Кабардино-Балкарии.

При этом федеральный Центр, включая Национальный антитеррористический комитет и ФСБ, вроде бы благосклонно относился к опыту Ингушетии и тактике «умной силы» в борьбе с вооруженным подпольем. Это выяснилось в ходе «круглого стола»,

³⁵ Как провозглашал Умаров, «если нам запрещено убивать этих граждан, так называемых мирных жителей, которые обеспечивают армию и ФСБ своими налогами и своим молчанием, которые поддерживают эту армию своим одобрительным молчанием, если таких людей считать мирными жителями, то я не знаю, по каким критериям это оценивается.» (*Prague Watchdog*, 6 июня 2009 г., Сергей Давыдов, Имарат Кавказ на пути от Йемена к Алжиру (часть 1). <https://www.watchdog.cz/?show=000000-000024-000004-000004&lang=2>.); автор отмечает несоответствие этой установки традиционным толкованиям джихада.

³⁶ Так, 22 июня 2009 года было совершено покушение на президента Ингушетии Юнус-Бека Евкурова.

³⁷ Крушение «Невского Экспресса» 27 ноября 2009 года и теракт в аэропорту Домодедово 24 января 2011 года были осуществлены террористами из ингушского «вилаяята Имарата Кавказ», а взрывы в московском метро 29 марта 2010 года — из дагестанского.

³⁸ От 800 до 1200.

³⁹ Ничего подобного, даже в виде обсуждений, не было в Чечне: здесь Кадыров и его подчиненные неизменно придерживались максимально жесткого отношения к религиозным диссидентам и максимально жестоких «контртеррористических» практик.

⁴⁰ Здесь сдача и «адаптация» боевиков проходила максимально гласно, тогда как в Ингушетии — максимально конспиративно. См.: Е. Сокирянская, О. Орлов, «Новый курс» Магомедова? Причины гражданского противостояния, ситуация с правами человека и попытки консолидации общества в Республике Дагестан. Март 2010 года — март 2011 года. ПЦ «Мемориал» — «Звенья», 2012. https://memohrc.org/sites/default/files/846_source.pdf

проведенного летом 2012 года в Совете по правам человека и развитию гражданского общества при Президенте РФ, с участием представителей как региональных, так и федеральных силовых структур и властей. Единственной структурой, подвергавшей сомнению идею распространить практику «комиссий по адаптации» на другие регионы Северного Кавказа, был Следственный комитет, поскольку, очевидно, это снизило бы его отчетность по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений.

Вряд ли все это можно назвать исключительно «местной политикой», относя на счет региональных ингушских (или дагестанских) властей; ретроспективно точнее было бы считать если не составной частью, то следствием так называемой «медведевской либерализации» 2008–2012 годов.⁴¹

В 2012 году обстоятельства изменились. Так, в Дагестане о смягчении политики контртеррора можно было забыть после взрыва на блокпосту «Аляска-30» в мае и убийства террористкой-смертницей суфийского шейха Саида-Афанди Чиркейского в августе 2012 года (возможно, именно на это и рассчитывали лидеры местного подполья). Забуксовала работа «комиссии по адаптации» и в Ингушетии.

Господствующей «антитеррористической» практикой вновь становились методы «грубой силы». Одна из очевидных причин в том, что на федеральном уровне многое определяла предстоящая зимняя Олимпиада-2014 в Сочи и необходимость обеспечить безопасность ее проведения: ставки здесь были слишком высоки. Но (опять-таки ретроспективно) решающим представляется возвращение в 2012 году Владимира Путина на пост президента РФ: ужесточение «контртеррора» стоит в одном ряду с введением «законодательства об иностранных агентах», сворачиванием «управляемой демократии» и открытым установлением в России авторитарного режима.

В сентябре 2013 года был убит Доку Умаров (кажется, это было девятое сообщение о его смерти). Об избрании нового «амира» Алиасхаба Кебекова было объявлено в марте 2014 года; он был убит год спустя, в апреле 2015-го. Сменивший его третий «амир Имарата» Магомед Сулейманов занимал этот пост меньше трех месяцев, с мая до своей гибели в августе 2015 года. Его преемник так и не был назван.

Дело в том, что параллельно у групп северокавказского вооруженного подполья шел процесс «смены франшизы». Если в декабре 2014 года клятву верности лидеру ИГИЛ Абу Бакру аль-Багдади принес лидер дагестанского «Джамаата Шариат» Рустам Асельдеров, обозначив раскол в «Имарате Кавказ», то в июне аналогичную присягу принесли амир «вилайята Нохчийчоь» Аслан Бютукаев, а с ним многие группы из Чечни, Дагестана, Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Был образован «Вилайят Кавказ» Исламского государства — и далее, говоря о северокавказском вооруженном подполье, мы, как правило, подразумеваем ячейки этой структуры.

Еще в декабре 2014 года представитель Национального антитеррористического комитета заявил о разгроме вооруженного подполья на Северном Кавказе⁴². За год в регионе были убиты или ранены 182 силовика, а затем это число ни разу не было трехзначным. В 2015-м оно уменьшилось до 52, в следующем 2016-м почти удвоилось (до 99), но далее снижалось: в 2017-м — 50, в 2018-м — 30, в 2019-м — 14. По сути, с этого времени можно констатировать уменьшение интенсивности конфликта до отдельных эпизодов, когда невозможно уже говорить о «статистике» и «тенденциях». И дело не

⁴¹ Три года «стабильности», осень 2009 года — осень 2012 года /Авт.-сост. Г. Верный, О. Орлов, А. Черкасов. М.: ПЦ «Мемориал» — «Звенья», 2013 (Бюллетени Правозащитного центра «Мемориал»). Сборник ежеквартальных бюллетеней Правозащитного центра «Мемориал» «Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе: оценка правозащитников».

https://memohrc.org/sites/all/themes/memo/templates/pdf.php?pdf=/sites/default/files/old/files/1177_0.pdf

⁴² «Террористическое бандподполье в России практически разгромлено — НАК». Эхо Кавказа, 16.12.2014 <https://www.ekhokavkaza.com/a/26746422.html>.

только в жестких и целенаправленных действиях российских силовиков и спецслужб, методично «выбивавших» лидеров, командиров и боевиков.

Основной причиной этой «нормализации» стала начавшаяся в 2011 году гражданская война в Сирии, появление обширных территорий, контролируемых ИГИЛ, и миграция существенной части участников подполья и его мобилизационной базы с Северного Кавказа туда, на Ближний Восток (где шел «главный джихад»), или в Турцию (где, по крайней мере, было безопасно). Будучи рады возможности избавиться от тех, кого много лет не могли победить, региональные власти и силовики как минимум не препятствовали этому исходу (а некоторые эксперты говорили даже о «выдавливании»). В итоге получилось так, что, хотя тактика борьбы с вооруженным подпольем в разных регионах Северного Кавказа и была различна, но определяющую роль сыграл именно сирийский «боковой вектор».

Можно ли утверждать, что это изменение необратимо? Нет: сами спорадические боестолкновения не позволяют утверждать, что вооруженный конфликт на Северном Кавказе завершен. Его интенсивность снизилась до близких к нулю значений, он, по сути, перешел в латентное состояние. Но даже единичные вооруженные инциденты говорят о сохранении конфликтного потенциала, напряженности в обществе. Существующее положение дел устраивает далеко не всех, а молодежь особенно чутко ощущает несправедливость общественного устройства. Никуда не делась и идеология, на эти сложные вопросы предлагающая и простые ответы, и прямой путь насильственного их разрешения. Никуда не делись государственные структуры, практики которых не снижают, а увеличивают уровень противостояния⁴³. И в будущем, когда обстановка в регионе по тем или иным причинам изменится, вооруженный конфликт на Северном Кавказе может возобновиться с гораздо большей интенсивностью.

⁴³ Так, в Ингушетии, вроде бы полностью «умиротворенной» политикой «умной силы» при Юнус-Беке Евкурове, где после его ухода в 2019 году федеральные силовики вновь получили «карт-бланш», последующие события были не просто вполне предсказуемы, но напоминали «дежа вю». Уже в 2020–2021 годах здесь вновь свободно оперировала группировка Аслана Бютукаева. После его гибели в республике возникла ячейка ИГИЛ, «охота» на которую продолжалась в 2023–2024 годах; 2 марта 2024 года в Карабулаке развернулось настоящее боестолкновение со штурмом многоквартирного дома.